
РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

Юрченко Т.Г.*

Рецензия на книгу:

***Седакова О.А.* Сергей Сергеевич Аверинцев : Воспоминания. Размышления. Посвящения. – Москва : Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2020. – 328 с.**

Получена: 26.01.2022

Принята к печати: 13.02.2022

Yurchenko T.G.

Book review:

***Sedakova O.A.* Sergei Sergeevich Averintsev: Vospominaniya. Razmyshleniya. Posvyashcheniya [Memoires. Thoughts. Dedications]. – Moscow : Svyato-Filaretovskii Pravoslavno-Christiankii Institut Publ., 2020. – 328 p.**

Received: 26.01.2022

Accepted: 13.02.2022

** Юрченко Татьяна Генриховна – старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия, e-mail: yurchenko2003@mail.ru*

Yurchenko Tatyana G. – Senior Researcher of the Institute of Scientific Information for for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: yurchenko2003@mail.ru

Книга Ольги Александровны Седаковой – поэта, филолога, переводчика – представляет собой собрание работ разных лет и разных жанров, посвященных Сергею Сергеевичу Аверинцеву (1937–2004) – филологу-классику, историку культуры, переводчику, христианскому просветителю и христианскому гуманисту, с которым автора книги связывали долгие годы общения и сотрудничества. Среди представленных работ – первый в России (и единственный) опыт творческой биографии ученого («С.С. Аверинцев. Труды и дни»); исследования, связанные с попыткой определения своеобразия исследовательского метода Аверинцева и его нового рационализма – «Рассуждение о методе» (единственная работа, опубликованная при жизни Аверинцева и получившая его одобрение), «Воспитание разума», «Апология рационального», а также выступления, лекции и воспоминания, касающиеся разных сторон научного наследия и личности ученого (в том числе – о работе Аверинцева, посвященной звукописи К. Брентано; о его дантологических штудиях; о европейской деятельности Аверинцева).

Имя Аверинцева чрезвычайно много значило в 1970–1980-е годы. О. Седакова вспоминает толпы желающих попасть на его лекции независимо от темы, о высоком авторитете его мнения по множеству вопросов, в том числе – духовных. В условиях «подсоветского варварства» (с. 166) взыскующие смысла и смыслов обретали их в том, что говорил и писал Аверинцев на своем особенном, вдохновленном языке; его филологическое слово было подобно слову поэтическому – «возвышающим нас высказыванием» (с. 163).

Действительно, каждая новая работа Аверинцева становилась событием, сборники, в которых он публиковался, мгновенно раскупались – и не только специалистами в той конкретной теме, которой была посвящена его статья, – я тоже это помню. Однако времена изменились. Сейчас в академической гуманитаристике присутствие Аверинцева почти не ощутимо: «интеллектуальный дух времени как будто отвернулся от него» (с. 13). Его мало издают и не переиздают; работ, посвященных анализу его научного наследия, практически нет, если не считать тех немногих, которые были написаны в связи с его

уходом и небольшое время спустя¹. Именно желанием напомнить об Аверинцеве, его значении для отечественной (и не только) культуры, обусловлено появление этой умной, глубокой книги, в которой сделана попытка сказать об Аверинцеве что-то главное – показать многогранность его интересов и определить то, что составляет ядро его научных поисков. И хотя многие составившие ее материалы были написаны относительно давно, собранные вместе они дают счастливую возможность читателю – как знакомому с работами Аверинцева, так и только приступающему к их изучению – представить себе масштаб личности этого «великого дара русской истории и русской культуре» (с. 11).

Размышляя о том, чем необычна была мысль Аверинцева, О. Седакова отмечает, что своеобразие ей придавала христианская вера, но вера не в бытовом смысле как безотчетная убежденность, «а вера как причастность определенной смысловой системе, доктрине, широту, глубину и свободу которой мало кто знал так, как Аверинцев» (с. 26). Труд Аверинцева – «*просвещение Просвещения*» (с. 45), ведь исходно просвещение – «христианская реальность»: «Христианская весть состояла в сообщении Истины, которая несла человеку свет и свободу» (с. 46).

Новым (вернее, забытым со святоотческих времен) у Аверинцева была концентрация не на воле человека, но на его уме: возделывание ума. «Понимание вещей (не обязательно выраженное отчетливо для самого человека, чаще как раз нет) предшествует не только всякому нашему действию, но и созерцанию. Так что самый “непосредственный личный опыт”, который так ценит Новое время, уже есть следствие определенной культурной установки» (с. 27). Именно *чело-*

¹ См., напр.: Бочаров С. Аверинцев в нашей истории // Вопросы литературы. – 2004. – № 6. – С. 19–24; Кнабе Г. Об Аверинцеве // Там же. – С. 34–37; Махлин В.Л. Возраст речи: подступы к явлению Аверинцева // Махлин В.Л. Второе сознание: подступы к гуманитарной эпистемологии. – Москва, 2009. – С. 503–545; Квитков Г.Г. Сергей Аверинцев в отечественной историографии // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 367. – С. 69–73; Квитков Г.Г. Некоторые методологические аспекты работ С.С. Аверинцева // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 372. – С. 110–113.

веческое понимание Аверинцев считал общим предметом своих занятий; «службой понимания» он называл филологию.

Определяя существо аверинцевского рационализма, О. Седакова отмечает, что Аверинцев обогатил классический рационализм позднего Просвещения опытом первого Просвещения (Иерусалим) и ранней мудрости (Афины). Это – «познавательная ценность *сердца* и *совести*, о которых забыл, точнее, от которых отвлек себя “естественный разум” Просвещения: “ум с сердцем не в ладу”»; это – «та установка ума, которая всегда понимание поместит прежде *истолкования*» (с. 52). Он напомнил о «положительном уме, об *ordosapientiae*, об уме, который погружен в полноту человеческой реальности, соединен с *сердцем* и с *чувством*, сотрудничает с *совестью* и *волей* и связан с восприятием Целого, мудро и таинственно устроенного» (с. 202). Именно в этой позиции, «понимая умом сердца, умом совести, умом воли (на библейском языке – умом утробы), мы можем позволить себе уверенность, мы можем довериться себе и не сомневаться, различая правое и левое, истинное и ложное» (с. 228). Сочетание аналитического рассмотрения предмета и его созерцания как целого, одновременная работа понятийного и образного мышления как отличительная особенность метода Аверинцева не только проясняли предмет, но и очерчивали ту область, которая должна была оставаться неясной и темной.

Рациональность Аверинцева противостоит и дурному иррационализму, и дурному рационализму. У него «в сложном взвешивании собственных умственных движений и в *собеседовании* с предметом вырабатывается *sophrosyne, prudentia*, здравомыслие, целомудрие. Та установка ума, которая всегда предпочитает *понимание* – *истолкованию*. Но также и “вживанию”. Истолкованию – как незаконному отстранению от смысла и “вживанию” – как иллюзорному отождествлению с ним» (с. 217).

Уникальность положения Аверинцева в отечественной культуре, по мнению О. Седаковой, в том, что он – творец культуры и одновременно человек церкви. В церковь он принес дары своей учености, укорененность же в христианской мысли определила новизну его герменевтики. «Это была новизна *уверенного различения* – в окружении

мысли, которая утратила способность различать самые существенные вещи, утратила основания для такого различения» (с. 221).

В современных условиях, когда неспособность различать подлинное и поддельное, оригинал и копию как результат догматизма, авторитаризма, идеологичности XX в. породила страх перед уверенностью, когда неуверенность и агностицизм стали новой идеологией, этот урок Аверинцева особенно важен.

Центральное место в книге занимает «Рассуждение о методе» – название, отсылающее к знаменитому трактату Р. Декарта 1637 г., который обозначил собой начало Нового времени. Метод Аверинцева, считает О. Седакова, ознаменовал исторический поворот, связанный с концом Нового времени и началом новой эпохи – освобожденной от просвещенческих и постпросвещенческих ограниченностей. Именно в методе – «уникальность Аверинцева, его совершенно особая позиция и среди отечественной, и среди мировой гуманитарной мысли современности» (с. 147).

Его метод дедуктивен: «спуск к конкретному начинается с высоты очень больших смыслов, какими обычно предметный филолог не располагает – или не привлекает их к конкретной профессиональной работе с данным автором или данным сочинением, оставляя их в области собственной частной читательской жизни» (с. 150). Ни названия, ни терминологического инструментария, ни формализованной процедуры работы с текстом, которой можно было бы обучить, ни особых ключевых слов этот метод не имеет. Но *«у него есть язык»* (с. 159).

В самом деле, язык работ Аверинцева – то, что удивляло и завораживало с первых слов: так не писал никто. Это язык – «богатейший и просмотренный до этимологических корней, ясный и ответственный, несущий в себе память множества употреблений, стилистически точный, украшенный учеными варваризмами и неожиданными вспышками “последних слов”, выводящих за язык, как это может делать только слово поэтов или вдохновенных проповедников... Кроме того, язык, не слепой к себе, успевающий подхватить и обсудить собственные употребления» (с. 160). Характерно замечание О. Седаковой, что тексты Аверинцева «создавали своего читателя»: до их понимания

еще нужно было дорасти, «узнать множество упомянутых в них вещей и слов» (с. 155).

Особенностью работ Аверинцева была их изначальная обращенность к аудитории, когда «возможная реакция собеседника учитывается прежде, его возможные возражения или недоумения принимаются во внимание» (с. 162). Это было необычно, это был «перелом инерции, который можно вполне оценить только на фоне всеобщего состояния гуманитарного творчества. Вероятно, холод советской бесчеловечности способствовал этой странной, ненаучной находке: находке *себя как себя для другого*» (с. 167).

В своих рассуждениях Аверинцев, замечает О. Седакова, погружался в такую глубину, где отсутствуют простейшие бинарные оппозиции, но есть игра сопряженных и не сливающихся полярных начал. Эта «золотая середина» эстетики Аристотеля становится познавательным методом Аверинцева, методом здравомыслия (греч. *sophrosyne*): «Золото этой середины – динамическая неисчерпаемость значения. Такой неисчерпаемости отвечает понимание, а не толкование» (с. 173). И в этом Аверинцев практически не имел предшественников в отечественной традиции.

Работы Аверинцева, пишет О. Седакова, «помогают не умирать заживо» (с. 272), они дают мысли новое измерение, без которого «мы продолжали бы надеяться на темные интуиции в позднеромантическом духе, на иррациональную глубину – а затем, когда она свои возможности с полной очевидностью исчерпала (а случилось бы это очень быстро), и с этим покончить в духе постмодернистской деструкции, оставшись с поверхностями, симулякрами и пустыми оболочками. Иначе говоря, мы продолжали бы идти в тупик прямого продолжения того зона, знаком конца которого был Аверинцев» (с. 194).

Последствий просветительского подвига Аверинцева, однако, очень мало. Его слово, пробуждавшее советского человека «от глухого невежества – не только умственного, но и сердечного невежества», оказалось невостребованным человеком постсоветским «в его окамененном цинизме» (с. 291). И дело, видимо, не только в том, что последние свои годы Аверинцев жил и работал вне России. «В каком-то смысле, – полагает О. Седакова, – время Аверинцева просто еще и не

пришло» (с. 316). Было бы хорошо, если бы данная книга это время как-то приблизила.

В 2022 г. С.С. Аверинцеву исполнилось бы 85 лет...